

В доме оставалось не так уж много зелёной фасоли, да и времени не хватало - ради продажи баоцзы вставать приходилось ещё затемно, поэтому Лин Син решил, что завтра, возвращаясь из города, купит фасоли там и сделает всё позже, а послезавтра попробует вынести на продажу одну миску и посмотреть, как пойдёт.

Закончив с делами, он вернулся в комнату и сел считать выручку. Доход вышел почти таким же, как и вчера, лишь на девять вэнь больше; вычтя расходы на продукты, аренду торгового места и склада, чистая прибыль составила восемьдесят один вэнь. Вчера он собирался купить муку и потому взял с собой разменное серебро, расплатившись за муку небольшим серебряным слитком; весы в лавке отмерили нужный вес, и ему выдали сдачу в сто пятьдесят вэнь. Медные монеты он нанизал на шнурок и вместе с оставшимся серебром убрал в деревянный шкафчик.

От полного безденежья к тому, что у него появились собственные деньги, которыми он мог распоряжаться, - Лин Сину казалось, что жизнь всё же становится обнадёживающей. Если ещё немного поднакопить, то раз в месяц можно будет позволить себе поесть мяса.

На следующий день ещё до рассвета, когда вокруг стояла крошечная темнота, Лин Син осторожно спустился с кровати и надел купленные Шэнь Хуэем накануне тканевые туфли. Они неожиданно оказались очень впору, а на пятке имелась мягкая подкладка из ворса, чтобы новые туфли не натирали ногу; подошва была многослойной, идти в них было мягко, без ощущения, что что-то упирается в стопу, и по сравнению с соломенными сандалиями они были в разы удобнее.

Сюй Юфан тоже поднялась ни свет ни заря, чтобы приготовить еду для Лин Сина и Шэнь Хуэя, а потом снова лечь досыпать. Лин Син быстро умылся и пошёл в кухонную пристройку; Сюй Юфан заметила обувь у него на ногах и между делом спросила:

- Син-гер, купил себе обувь? По ноге? Если жмёт, мама может тебе подправить.

За эти два дня, что Лин Син выходил торговать, в семье Шэнь никто ни разу не спрашивал, сколько он зарабатывает каждый день. С самого начала было оговорено, что сколько бы ни вышло, больше или меньше, сдавать в общий котёл не нужно, это его собственное маленькое дело. Поскольку Лин Син должен был отдавать часть дохода на общие нужды, старики Шэнь обсудили это с остальными домочадцами. Раз уж он вносит деньги, то и на полевые работы его звать не будут; к тому же с его телосложением тяжёлый труд ему и не по силам. У Шэнь Гуя и остальных возражений не возникло, так всё и решили. Теперь же Лин Син всего за два дня торговли смог купить себе пару обуви, и Сюй Юфан в душе радовалась за него, значит, дело приносит деньги.

Лин Син инстинктивно чуть втянул ногу, украдкой взглянул на Шэнь Хуэя и вспомнил, как тот просил не говорить семье, что обувь купил именно он. Ему ничего не оставалось, кроме как опустить голову и сказать:

- Обувь очень по ноге, переделывать не нужно, мама.

Сюй Юфан, подумав, согласилась - если человек сам идёт в лавку покупать, вряд ли возьмёт обувь не по размеру.

- Вот уж правда, совсем с утра голова не варит, даже забыла, что ты сам в обувную лавку ходил.

У Лин Сина от этой лжи загорелись щёки; он кончиком носка ткнул в землю и про себя недоумевал, откуда Шэнь Хуэй вообще знал его размер ноги.

Тем временем другой участник этой истории, Шэнь Хуэй, как ни в чём не бывало ел, причём ел очень быстро, совсем не боясь обжечься, буквально заливая мучную похлёбку себе в рот. Лин Син, держа в руках глиняную чашку, слушал этот шум, похожий на грохот боя, и не выдержал, тихо сказал Шэнь Хуэю:

- Второй брат, ешь помедленнее, так ведь и обжечься недолго.

Шэнь Хуэй на мгновение замер, ничего не ответил, но его движения заметно замедлились. После еды он взвалил все вещи себе на спину и, выйдя на тропинку, собрался нести Лин Сина, однако тот отказался.

- Сегодня я в тканевых ботинках, они не натирают и ноги не болят, я сам дойду.

Шэнь Хуэй взглянул на него, слегка приподнял бровь и сказал:

- Хорошо, тогда иди следом.

Горная тропа у подножия была куда короче полевой дороги и позволяла сэкономить немало времени, но единственным её недостатком было то, что идти по ней было трудно. То и дело из темноты выныривали ветки, хлеща по голове и царапая лицо, а под ногами дорога была неровной, с камнями и выступающими корнями деревьев. Ночь ещё не отступила, впереди почти ничего нельзя было разглядеть, и Лин Син не мог представить, как раньше Шэнь Хуэй умудрялся нести его на спине так ровно и уверенно. Тканевые туфли были новыми, подошва ещё не размялась, шаги отдавались жёсткостью; на горной тропе из-за этого легко терялось равновесие, а без фонаря, при одном лишь слабом лунном свете, Лин Син не сумел увернуться от корня, торчащего из земли. Он споткнулся, и, когда уже казалось, что он вот-вот упадёт лицом вниз, чья-то сильная рука внезапно рванула его за руку вверх. Мир перед глазами закружился. Устояв на ногах, он услышал привычно низкий и холодный голос Шэнь Хуэя без тени удивления, словно тот заранее ожидал подобного.

- Теперь я понесу невестку на спине?

Лин Син не хотел, чтобы Шэнь Хуэй слишком утруждался, и снова покачал головой. После короткой паузы Шэнь Хуэй лишь негромко ответил «хм», больше на этом не настаивал, убрал руку и сказал:

- Иди следом, смотри под ноги.

Он только повернулся, как полы его одежды вдруг кто-то потянул назад. Обернувшись, он увидел, что Лин Син улыбается, его круглые глаза изогнулись полумесяцами:

- Можно я буду идти, держась за твою одежду?

Шэнь Хуэй при лунном свете посмотрел на него несколько мгновений и ответил:

- Хорошо.

Добравшись до города, они, как и вчера, принялись устраивать торговлю по заведённому порядку. Баоцзы только успели выйти из пароварки, как тут же нашлись покупатели. Сегодня Лин Син сразу замесил двадцать цзиней муки - вдвое больше, чем прежде, и по мере того, как за два дня разошлась добрая молва, народу оказалось ещё больше, а продавалось всё ещё быстрее. Даже соседние торговцы подходили купить баоцзы или маньтоу, попробовать вкус: понаблюдав пару дней и видя, что каждый день приходит столько людей и все хвалят, они понимали, что вкус у них и впрямь не может быть плохим.

У лапшичной Ван Юмая снова никого не было; глядя, как другие хозяева лавок идут покупать баоцзы, он чувствовал на душе всё большее раздражение. Эти люди ни разу не заглянули к нему съесть чашку лапши; а ведь у него лапша всего по пять вэнь за порцию, полная до краёв, да ещё и с добавкой свиного сала, разве она хуже тех баоцзы и маньтоу? Почему же все идут есть эту сухую еду?

Ван Юмай, протирая стол, смотрел на очередь, выстроившуюся наискосок от него, и на пустоту перед своим прилавком, и на сердце у него становилось всё тоскливее и неприятнее.

Однако, как бы ни было ему неприятно, Ван Юмаю оставалось лишь терпеть: он не мог позволить себе задеть здоровяка с того прилавка, к тому же баоцзы там расходились быстро, лавка закрывалась рано, и позже у него ещё был шанс что-нибудь продать. Кто бы мог подумать, что к привычному времени, когда в предыдущие два дня прилавков баоцзы уже убирали, напротив всё ещё продолжали лепить и готовить. Ван Юмай остолбенел - выходит, торговлю продлили? Впрочем, это было логично: раз товар так хорошо идёт, чем дольше продаёшь, тем больше зарабатываешь; с деньгами ведь никто не враждует. А вот у него сегодня к этому часу ушло всего пять чашек лапши, и выручки уже едва хватало, чтобы заплатить за место. Сердце Ван Юмая сжималось от тревоги, но прогонять людей он не смел, оставалось лишь, нахмурившись, сидеть на длинной скамье, уставившись в пустоту и сам не зная, о чём думает.

Положение лапшичной заметил и Лин Син. В подобных вещах он, по правде говоря, не знал, как следует поступать, и что бы он ни сделал, всё казалось неправильным. Двадцать цзиней муки ушли всего лишь на полчаса дольше, чем вчера, а это означало, что дела у его лавки идут всё лучше и лучше.

Когда оставалась последняя полтора корзины, к прилавку подошёл человек, появления которого никто не ожидал.

На улице Танфан появилось новое торговое место: там продавали баоцзы и маньтоу, о которых раньше никто и не слышал. Те, кто попробовал, все как один говорили, что это невероятно вкусно, и всего за два дня молва уже разошлась по трём улицам. Фан Сюся как раз ломала голову над тем, как уговорить свекровь: чтобы та вместе с ней согласилась отдать ребёнка, которого носит тот гер за пределами дома, в семью старшего брата. Из-за прежних скандалов дело дошло до того, что вчера, вернувшись, она не увидела от свекрови ни единого приветливого взгляда - та и разговаривать с ней не желала. Так продолжаться не могло, и Фан Сюся, вспомнив, что свекровь любит поесть, а также услышав от соседки, что на улице Танфан есть прилавок, где продают баоцзы и маньтоу с «совершеннейшим вкусом», решила попытать удачу. К тому же еда там была и вкусная, и невиданная, а свекровь, дорожившая статусом и любившая похвастать, наверняка не устоит перед таким соблазном. Так Фан Сюся прошла две улицы и наконец добралась до Танфан. Где находится прилавок баоцзы, выяснилось сразу: она пошла в указанную одним из торговцев сторону и по дороге встречала немало людей с пакетами из промасленной бумаги в руках. Когда она подошла уже совсем близко, ей на миг показалось, будто она ошиблась и смотрит не туда. Торговцем, продававшим эту диковинную еду, оказались... люди из семьи Шэнь? Она пригляделась внимательнее и поняла, что не ошиблась.

Фан Сюся сначала хотела сразу развернуться и уйти, но, подумав о ребёнке, поняла, что пока это дело не решится, она и ночи спокойно не проспит. Покупать сладости для свекрови ей было жалко денег, так что оставалось лишь, скрепя сердце, подойти.

- Почём у вас баоцзы и маньтоу?

Шэнь Хуэй заметил Фан Сюся ещё издали, но особых чувств это у него не вызвало - он воспринял её как обычного покупателя. Пока человек не устраивает скандалов, всё остальное не проблема.

- Баоцзы по три вэня за штуку, маньтоу по четыре, два - за семь вэнь. Осталось всего три баоцзы и четыре маньтоу.

С этими словами он приподнял крышку паровой корзины, показывая ей размер изделий. Пробники были только в первый день, в последующие два покупателям лишь показывали размер. До этого уже немало людей попробовали и остались довольны, они сами стали живой рекламой, так что в пробе больше не было нужды. К тому же объёмы были небольшие, и Лин Син просто не мог позволить себе раздавать угощение.

Фан Сюся, глядя на Шэнь Хуэя, ощущала внутренний страх: в горле стало неприятно, словно кто-то сдавил её за шею и приподнял.

Едва взглянув на размер баоцзы и маньтоу и на их белоснежный вид, Фан Сюся поняла, что муки на них пошло немало, да к тому же, похоже, добавляли лучшую, тонко просеянную белую

муку. Цена выходила на редкость выгодной, а разговаривать с Шэнь Хуэем дольше она не решалась, потому сразу сказала, что берёт всё.

- Итого двадцать три вэня.

Фан Сюся пересчитала медные монеты три раза, убедившись, что не переплатила, после чего протянула их, забрала свёрток в промасленной бумаге и быстрым шагом ушла.

Последние баоцзы и маньтоу были раскуплены, и Лин Син с Шэнь Хуэем начали сворачивать прилавок. Увидев, как они уходят, лицо Ван Юмая наконец немного прояснилось.

Сегодня им всё равно предстояло зайти в зерновую лавку: помимо муки нужно было купить и зелёную фасоль. По сравнению с мукой фасоль стоила куда дешевле - шесть вэнь за цзинь. Лин Син сперва взял десять цзиней, чтобы попробовать, как пойдёт торговля, а затем ещё двадцать цзиней муки. Один поход в зерновую лавку, меньше чем за четверть часа, обошёлся им в четыреста шестьдесят вэнь. Шэнь Хуэй сложил всё в бамбуковую корзину и понёс на спине, и вдвоём они вышли за городские ворота.

- Старшая невестка, ты чем-то недоволен?

Лин Син очнулся от своих мыслей:

- Почему ты так решил?

- У тебя всё на лице написано. Это из-за того, что наше дело задело лапшичную?

Лин Син удивился наблюдательности Шэнь Хуэя и, будучи раскрытым, прямо кивнул:

- Да, немного.

Шэнь Хуэй вспомнил, как тогда Лин Син увидел, что он продал свои волосы, и как на его лице проступили вина и извинение, а потом тот всеми силами старался это загладить - и помогал подстричься, и штопал одежду.

- Старшая невестка всегда такой? Так сильно переживает за других, ставит чужие чувства выше своих и из-за этого сам портит себе настроение?

Лин Син не ожидал от него таких слов, но, подумав над ними так, как сказал Шэнь Хуэй, покачал головой.

- Я такой только с теми, кто ко мне хорошо относится. Босс Ван раньше обещал помочь мне

разыскать младшего брата, а я теперь перехватил у него покупателей - мне неизбежно будет немного неловко.

Шэнь Хуэй больше ничего не сказал и, когда они подошли к подножию горы, лишь напомнил:

- Старшая невестка, держись за мою одежду крепче, не упали.

- Хорошо.

Вернувшись домой, Лин Син попросил Шэнь Лая и Сяочунь с Сяося помочь перебрать зелёную фасоль, а сам занялся мукой, которую нужно было приготовить на завтра.

Опара, замоченная в воде, подошла очень хорошо; из вымешанного теста Лин Син снова отложил часть на завтрашнюю закваску. Для приготовления лянфэн нужна щёлочь, и он ещё поставил настаиваться зольную воду из травяной золы. В полдень ели бобовую кашу, приготовленную Шэнь Хуэем. Соевые бобы в ней оставались чуть твёрдыми, вкус был лишь с едва уловимой солёной ноткой и больше ничем не отличался; Лин Син подумал, что будь в доме хоть немного солений, было бы лучше, по крайней мере появился бы вкус. Но соленья стоили дорого: соль ценилась высоко, а потому и квашеные овощи выходили недешёвыми. Особенно зимой, когда свежих овощей почти не было, и даже самые богатые семьи без тёплых теплиц не могли позволить себе свежую зелень. В то время соленья всё же оставались хоть каким-то овощем и продавались в два-три раза дороже обычного, так что есть их могли лишь состоятельные люди. Лин Син, сохранивший память прежнего тела, знал, насколько дороги соленья зимой, и теперь только дивился тому, что вещь, стоившая в прошлой жизни сущие копейки, здесь превратилась в роскошь. Бобовая каша немного утолила голод, и домочадцы Шэнь, почти не отдохнув, снова отправились работать в поле; Шэнь Хуэй, как и прежде, пошёл вместе с ними.

К тому времени, как днём замоченные зелёные бобы как следует набухли, Шэнь Хуэй снова вернулся. Увидев его, Лин Син невольно удивился:

- Уже закончили в поле? — но, взглянув ему за спину и не увидев никого из остальных, замолчал.

Шэнь Хуэй стряхнул с одежды пыль, налил воды и вымыл руки.

- Вернулся помочь тебе молотить бобы.

Лин Син на мгновение опешил и с некоторым несогласием сказал:

- Я и сам справлюсь, ты так туда-сюда бегаешь, разве не устаёшь?

Дело было не в неблагодарности, Лин Син и правда считал, что Шэнь Хуэй слишком

изматывается. Тот крутился, словно волчок, не останавливаясь ни на минуту и будто вовсе не имея времени на отдых.

- Даже если это из-за поручения старшего брата, не нужно доходить до такого. Ты и так помогаешь мне более чем достаточно.

Шэнь Хуэй опустил взгляд на Лин Сина, внимательно уловив тревогу на его лице.

- Мать велела мне вернуться и помочь.

В глубоких и спокойных тёмных глазах не промелькнуло ни малейшей утечки чувств, и Лин Син не смог по его лицу понять, что тот на самом деле думает. Оставалось лишь беспомощно вздохнуть; он принёс табурет, поставил его у стены и позвал Шэнь Хуэя сесть:

- Я потом поговорю с матерью, а ты пока отдохни.

Шэнь Хуэй сел, не отводя взгляда от Лин Сина, и смотрел, как тот в несколько заходов переносит набухшие зелёные бобы в глиняной миске к маленькому жернову.

Маленький жернов уже был вычищен дочи́ста, а так как сил у Лин Сина было немного, он молот понемногу, не спеша. Шэнь Лай и трое детей тоже присели рядом, помогая подсыпать зелёные бобы в отверстие или менять глиняные тазы с уже перемолотым соком. Когда большую часть бобов уже смололи, Лин Син так и не позвал Шэнь Хуэя. А сам Шэнь Хуэй, понаблюдав какое-то время за тем, как Лин Син работает, уселся и уснул. Каждый день он вставал затемно и с утра до вечера был занят, вся тяжёлая работа ложилась на него, а в день, когда ставили ловушки, он и вовсе почти не сомкнул глаз; за столько дней подряд даже железное тело не выдержало бы.

Увидев, что Шэнь Хуэй задремал, прислонившись к стене, Лин Син поднял указательный палец к губам, давая Шэнь Лаю и детям знак говорить тише, после чего осторожно встал и сходил в комнату Шэнь Хуэя за верхней одеждой, чтобы накрыть его. Он не стал будить его и звать лечь на кровать: если поднять человека и увести, можно и вовсе перебить сон. Вскоре снова зазвучал ровный, негромкий скрип маленького жернова, и под этот звук Шэнь Хуэй проспал ещё некоторое время.

<http://bllate.org/book/13938/1302289>